

УДК 82.09

DOI: 10.32342/2523-4463-2020-2-20-3

Н.А. ЛИТВИНЕНКО,
*доктор филологических наук,
профессор кафедры истории зарубежных литератур
Московского государственного областного университета
(Российская Федерация)*

ЭМОЦИИ, ЧУВСТВА И АФФЕКТЫ В РАННЕМ ФРАНЦУЗСКОМ РОМАНТИЗМЕ: ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ (статья первая)

В статье обосновывается актуальность обновления антропологического подхода к изучению романтизма – в связи с достижениями современной психологической науки. Это позволяет углубить литературоведческие представления о специфике изображения внутреннего мира персонажей и особенностях психологического мастерства представителей раннего французского романтизма. Изучение антропологии романтизма, несмотря на множество посвященных данной проблеме работ, сохраняет литературоведческую актуальность. Это связано с неисчерпаемостью феномена, охватывающего различные сферы искусства; возникновением новых методологий, междисциплинарных подходов, позволяющих переосмыслить, казалось бы, вполне литературоведчески апробированный материал. С этими процессами сопрягается и изучение наследия французского романтизма, прошедшего несколько этапов эволюции в XIX в.; **взаимодействия с другими литературными направлениями**, такими как сентиментализм, реализм, символизм, натурализм.

Чувства, ощущения, впечатления, реальные и вымышленные, все вибрации и нити, соединяющие индивида с социумом и миром, испытываемые им состояния приобретают в романтизме бесценное и ценностное измерение, проникая глубоко в сферу нравственной проблематики, морали, личной и общественной, формируя новые векторы эволюции психологизма, философии и этики. Все эстетические категории – возвышенного, прекрасного, трагического, комического, сопряженные с ними инварианты и представления, участвуя в новых синтетах, становятся составляющими новых субъективно и субъектно организованных миров и антиномий. Чувства, эмоции, аффекты участвуют в художественном мифотворчестве, становятся привилегированной сферой познания и самопознания субъекта – поэта, писателя, художника.

Творческий процесс, как и читательское восприятие, затрагивает разные стороны создаваемых «эмоциональных режимов» не только в поэзии, драматургии, но и в прозе, тем более что границы, разделяющие эти области искусства со времен классицизма, порой начисто стирались, возникали новые жанры, усиливались процессы жанровых диффузий и взаимодействий.

Ранний французский романтизм, романы Шатобриана, Жермен де Сталь, отчасти Сенанкура, Б. Константа трансформировали опыт предшественников, приемы и представления, связанные с особенностями воплощения психологии современного человека, его эмоций и чувств, – опыт, который накапливала литература XVIII в., в том числе Вольтер и Дидро, Прево и Мариво, Руссо и Бернард де Сен-Пьер, Гете. Пространство эмоций, чувств, чувствительности авторов, аффекты и личностные модели поведения в раннем французском романтизме обретали новую динамику, новые векторы исторической и психологической эволюции.

Ключевые слова: романтизм, эмоции, чувства, аффекты, психологизм, антропология романтизма, Просвещение.

У статті обґрунтовується актуальність оновлення антропологічного підходу до вивчення романтизму – у зв'язку з досягненнями сучасної психологічної науки. Це дозволяє поглибити літературознавчі

уявлення про специфіку зображення внутрішнього світу персонажів і особливості психологічної майстерності представників раннього французького романтизму. Вивчення антропології романтизму, незважаючи на безліч присвячених даній проблемі робіт, зберігає літературознавчу актуальність. Це пов'язано з невичерпністю феномена, що охоплює різні сфери мистецтва; виникненням нових методологій, міждисциплінарних підходів, що дозволяють переосмислити, здавалося б, цілком літературознавчо апробований матеріал. З цими процесами стикається і вивчення спадщини французького романтизму, що пройшов кілька етапів еволюції в XIX ст.; взаємодії з іншими літературними напрямками, такими як сентименталізм, реалізм, символізм, натуралізм.

Почуття, відчуття, враження, реальні і вигадані, всі вібрації, що об'єднують індивіда з соціумом і світом, випробовувані ним стани набувають в романтизмі безцінний і ціннісний вимір, проникаючи глибоко в сферу моральної проблематики, моралі, особистої та суспільної, формуючи нові вектори еволюції психологізму, філософії та етики. Усі естетичні категорії – піднесеного, прекрасного, трагічного, комічного, пов'язані з ними інваріанти і уявлення, беручи участь в нових синтезах, стають складовими нових суб'єктивно і суб'єктно організованих світів і антиномій. Почуття, емоції, афекти беруть участь в художній міфотворчості, стають привілейованою сферою пізнання і самопізнання суб'єкта – поета, письменника, художника.

Творчий процес, як і читачке сприйняття, зачіпає різні сторони створюваних «емоційних режимів» не тільки в поезії, драматургії, але і в прозі, тим більше, що межі, що розділяють ці сфери мистецтва з часів класицизму, часом начисто стиралися, виникали нові жанри, посилювалися процеси жанрових дифузій і взаємодій.

Ранній французький романтизм, романи Шатобріана, Жермен де Сталь, почасти Сенанкура, Б. Констан трансформували досвід попередників, прийоми і уявлення, пов'язані з особливостями втілення психології сучасної людини, його емоцій і почуттів, – досвід, який накопичувала література XVIII ст., в тому числі Вольтер і Дідро, Прево і Маріво, Руссо і Бернарден де Сен-П'єр, Гете. Простір емоцій, почуттів, чутливості авторів, афекти і особистісні моделі поведінки в ранньому французькому романтизмі знаходили нову динаміку, нові вектори історичної та психологічної еволюції.

Ключові слова: романтизм, емоції, почуття, афекти, психологізм, антропологія романтизму, просвітництво.

Изучение антропологии романтизма, несмотря на множество посвященных данной проблеме работ, сохраняет литературоведческую актуальность. Это связано с неисчерпаемостью феномена, охватывающего различные сферы искусства; возникновением новых методологий, междисциплинарных подходов, позволяющих переосмыслить, казалось бы, вполне литературоведчески апробированный материал. С этими процессами соприкасается и изучение наследия французского романтизма, прошедшего несколько этапов эволюции в XIX в.; взаимодействия с другими литературными направлениями, такими как сентиментализм, реализм, символизм, натурализм... Новое понимание процессов междисциплинарного взаимодействия в XX–XXI вв. накопили биологические науки, психология, антропология¹, философия, социология, лингвистика, искусствознание, филология (в том числе, рецептивная эстетика, герменевтика и т. д.) [2; 3; 4].

В русле обозначенной проблематики нас интересуют, в первую очередь, связи литературоведения с современной психологической наукой. Один из авторитетных исследователей в области психологии Трифт (Thrift, 1996), Раймонд Уильямс (Raymond Williams, 1983), разрабатывавший концепцию «структуры чувств», обоснованно пишет об изменениях культурных, телесных, эмоциональных переживаний, которые на глобальной основе произошли в конце XX века, подчеркивая, что они находятся «на самом краю семантической доступности» [5, с. 401]. Однако следует возразить: художественная литература, как инструмент познания, множеством гносеологических, онтологических и социокультурных нитей связанная с психологией, обладает безусловной семантической доступностью, но особого рода, связанной со спецификой художественного мышления, отражающей и моделирующей функцией искусства.

Из числа создателей современных психологических теорий привлекают внимание труды В. Редди, изучавшего «эмоциональные режимы», эмотивы, рассматривавшего эмо-

¹ Ученые рассматривают антропологию как дисциплинарную рубрику, включающую в исследовательскую орбиту совокупность разных дисциплин, определяемых академическим контекстом, подчеркивают разнообразие методологий и подходов, сложившихся в современной науке. [См.: 1; 2, с. 50–54].

ции как метапонятия, разрабатывавшего и уточнявшего историческую и универсальную семантику этих категорий [6]; исследования об интеллекте, сознании, уме [7]. Комплекс проблем, стоящих перед филологами и историками культуры, изучающими мир чувств, эмоций, аффектов, связан не только со спецификой этих феноменов, но и с неустойчивостью, противоречивостью той терминологической базы, которая используется при обозначении и интерпретации психологических процессов, протекающих в сознании индивида, в обществе и культуре. Сложность возникающих на этой основе проблем связана и с рефлексией над теориями десакрализации мозга [8, с. 6–9], со свойственным для современной философии сознания редукционизмом [9]. Изучение особенностей психологических процессов, протекающих в обществе и сознании, предполагает необходимость учитывать изменчивость, подвижность, противоречивость, полисемантику смыслов, которые лежат в основе этих явлений – достижения современной лингвистики и семиотики. Зарубежные исследователи фиксируют богатство словаря эмоций, подчеркивая, что аффективное поле повседневной жизни огромно, но его трудно определить – несколько сотен слов на английском и до 150 слов на французском; рассматривают трансформации представлений об эмоциях в разных философских системах от древности до наших дней [10]. Очевидно, «аффективное» поле искусства, литературы неисчерпаемо. Используя метафору, можно сказать, что это море, пребывающее в вечном движении, – море, в котором исследователь обнаруживает течения, потоки, водовороты, возникающие и смыаемые временем наслоения и острова, в нем находят проявление маркированные временем процессы символизации, мифологизации, запечатлены этапы эволюции коллективного и личностного, в том числе эстетического сознания, культурные коды и память знаков.

Для продуктивного изучения мира эмоций и чувств в произведениях романтизма необходимо учитывать связи этих категорий с конкретными речевыми процессами их воплощения. Так, Плантен, характеризуя семантику эмоции как «выражения личного участия в речи», не ограничивал сферу ее применения локально «присваиваемым словом или высказыванием», подчеркивал: это дискурсивные явления, которые «распространяются по всей речи» [11, с. 75]. **Последнее особенно важно при изучении психологического пространства произведений писателей-романтиков, поскольку оно при всех элементах семантического фрагментирования синтетично, вбирает – прямо или косвенно – универсальные смыслы.** Сложно, на иерархической основе сплетаются разнородные когнитивные, рациональные, бессознательные и подсознательные начала, определяющие специфику переживаемого и художественно воспроизводимого, моделируемого опыта писателя и героев – испытываемых ими чувств, движущих ими импульсов и эмоций, их впечатлений и воспоминаний. На этой основе формируется многоуровневость психологического феномена в романтизме, динамическая взаимосвязь структурных составляющих произведения и внутреннего мира персонажей. Эмоциональное, как предмет и способ изображения, скрыто или открыто явленное чувственное, лирическое начало, пронизывают художественное пространство произведения, модусы повествования, непосредственно заявляя о себе или пытаясь укрыться под пеленой недосказанности – молчания – пауз, лакун, жестов, мыслей и слов. Эмоциональный мир и фон, структура чувствования и чувств, культура выражения и сдерживания эмоций, их трансформации, их навязчивое доминирование, зависимость и независимость от социума и интимных побуждений, от культурно-эстетических кодов и традиций – все это образует своеобразный психологический хронотоп романтизма [12], участвует в формировании новых художественных интенций и смыслов, оказавших влияние на все последующие эпохи.

Актуальный аспект для изучения антропологии романтизма содержит работа В. Подороги «Феноменология тела. Введение в философскую антропологию», в которой мир эмоций и чувственного восприятия рассматриваются в органической связи с феноменологией тела (эта проблема на другой основе занимала просветителей). В. Подорога вводит понятие тела-аффекта, анализирует роль «сцепляющихся аффектов», создающих «новую аффективную конфигурацию» [13, с. 91]. Любое описание события, полагает ученый, будет двигаться в некоем поле наших микроаффектов, наших точечных мгновенных фиксаций собственного состояния, как бы распадаясь по мельчайшим степеням интенсивности, где все важно [13, с. 93]. **На этом основывается мысль о том, что тело утверждает свою субъек-**

тивность в качестве единственной реальности [13, с. 66]. Для современного исследователя антропологии романтизма важным является не противопоставление сферы материально-телесного и психологически-духовного, а понимание их единства, пребывающих в становлении состояний и начал, внимание к аффективной конфигурации и аффективным трансформациям, которые находят воплощение в произведениях романтизма. При этом очевидно, что феноменологический анализ не исключает, а напротив, делает по-новому актуальным историко-литературный, литературно-эстетический подход к проблеме. Филология вновь и вновь обнаруживает неисчерпаемость исследовательских горизонтов, заложенных в литературе и науке, пребывающих в становлении, междисциплинарных матриц, связей и отношений.

Художественные тексты обеспечивают «семантическую доступность» исторического опыта, содержат уникальный материал для изучения мира чувств, эмоций, аффектов, создают обширное пространство для исследования тех изменений, которые происходили на разных этапах развития культуры, – в сознании и восприятии писателей и читателей, в общественном и массовом сознании. Это касается литературы в целом, но и наследия французского романтизма, который создавал новые «эмоциональные режимы», новую специфику межличностных и эстетических взаимодействий, трансформировал в новых исторических условиях накопленный предшествующими столетиями опыт «невинности и познания» (*William Blake. «Songs of Innocence and Experience»*), иллюзий, надежд и разочарований.

Проблема осмысления природы человека, достоверности психологического опыта, ресурсов чувственного познания была в центре философской мысли XVIII в. Один из крупных представителей французского сенсуализма, автор «Трактата об ощущениях» (1754) Этьена Бонно де Кондильяк рассматривал «ощущения как источник достоверного знания», объяснял психологические процессы «преобразованиями чувственных ощущений»², по словам историков науки XX в., «подарил европейской культуре органичную теорию «я», какой не дали ни Декарт, ни Локк» [14, с. 501]. Его современник Жюльен Офре де Ламетри несколькими годами ранее – в 1745 г. публикует «Естественную историю души» («Трактат о душе»), Гельвеций в 1758 г. пишет трактат «Об уме», позднее – «О человеке, его умственных способностях и его воспитании» (1772). Проблема ресурсов ума, роли ощущений, чувственного начала в жизни и познавательной деятельности человека волнует просветителей, обладает актуальным социально-политическим смыслом. Возникшее на почве сенсуализма и сентиментализма доверие к человеку содержало мощный вектор демократизации, в том числе субъекта и объекта познания, автора и героя, породило огромный пласт художественных, философско-художественных произведений, текстов – от Локка и Ричардсона до Руссо и Бернардена де Сен-Пьера. Руссоистский «миф о «добром дикаре» стал разновидностью философской категории, нормой суждения», на основе которой «осуждалось социально-историческое устройство, омертвившее богатство человеческих страстей и стихийность самых глубоких чувств» [14, с. 545]. **Формировались познавательные стратегии, в основании которых, по мысли французского историка П. Шоню, лежал интерес к метафизике нравов, запрос на создание этики, индивидуальной морали и морали гражданской** [16, с. 146]. Углублялось познание закономерностей, определяющих внутренний мир человека, углублялась рефлексия над проблемой «личной связи с Богом, возможности, если не неизбежности Откровения» [16, с. 149], **вырабатывалось новое знание о человеке, накапливался новый художественный опыт осмысления и изображения внутреннего мира индивида.**

Просветители бесстрашно исследовали общественную, нравственно-этическую проблематику своего «переходного» времени, строили философские повести (*contes philosophiques*), «романы», эпистолярные и психологические, исповедальные и нравоопи-

² Кондильяк пишет: «Из стремления рождаются страсти, любовь, ненависть, надежда, страх, воля. Все это... не что иное, как видоизмененное ощущение... Наши страсти являются результатом удовольствия или боли, сопровождающие впечатления от чувств... это – единственный источник наших мыслительных способностей и орудий» [14; с. 545].

сательные, воспитания и «антивоспитания», сатирические и эротические на принципах диалогизма, дискуссии, притчи, относительности, парадокса, обнажая двусмысленность и антиномии традиционных представлений о добре и зле. Они стремились к «экспериментальной» проверке своих идей – философских, утопических, социальных, апеллируя к своеобразно понимаемому опыту жизни. Персонажи-идеологи, протагонисты такого дискурса обретали «черты психологических типов» [16].

Ранний французский романтизм, в отличие от немецкого, не отличавшийся философско-эстетической зрелостью, разрабатывая свою программу, не столько опровергает опыт своих предшественников, сколько развивает и все более кардинально трансформирует его. При этом художественное творчество и теоретико-эстетические идеи взаимодействуют, обнаруживая те или иные принципиальные расхождения. В своей программной эссеистике ранние романтики – Жермен де Сталь, Шатобриан обращаются к политическим проблемам современной революционной эпохи, тогда как в художественных произведениях делают центральной проблему человека, исследуя новый экзистенциальный опыт индивида. Это опыт частный, личностный, автобиографический, но и тяготеющий к типизации – внутренний опыт пережитых и переживаемых чувств и страстей [17, с. 14–18].

Эмоционально-чувственная сфера жизненного опыта индивида притягивает внимание ранних романтиков, рождает потребность в систематизации и переосмыслении его. Современник Шатобриана и Жермен де Сталь П.С. Балланш, выразивший общий вектор нравственно-эстетических исканий нового столетия, в 1801 г. издает эссе «О чувстве, рассмотренном в его соотношении с литературой и изящными искусствами» (*«Du sentiment considéré dans ses rapports avec la littérature et les arts»*, 1801), где, подытоживая сложившиеся представления, формулирует свое понимание роли и специфики чувства: «Чувство – это нравственная сила, которая инстинктивно, без помощи разума выносит суждения обо всем, что живет по законам нашей *животной, личностной и духовной* природы. Чувство никогда не разделяет эти три сферы, оно воспринимает их мгновенно и разом. Первая связана с физической чувствительностью, или ощущениями, вторая с индивидуальностью, или совестями, третья – с нашими мыслительными способностями или нашей душой. Первая сфера роднит нас со всей видимой природой; вторая дарует нам способность к самопознанию и умение отличать добро от зла; третья приобщает нас к высшему порядку, и наше земное существование начинает казаться нам лишь его отголоском; она открывает нам бесконечность. Из этих трех ипостасей складывается четвертая – наша *человеческая* сущность» (курсив Балланша) [18, с. 37]. В приведенном фрагменте отчетливо проявилась просветительская склонность к рационализации и систематизации опыта. Автор не вполне освобождает чувства от суждений разума, сопрягая их с законами природы, не учитывает особенности синкретизма, который составляет основу антиномий космоса и микрокосма человеческой души в романтизме.

Наследница идей Руссо, Жермен де Сталь в эссе «О влиянии страстей на счастье людей и народов» (1796) движима другими целями – обоснования и оправдания одной из моделей романтического чувствования, она противопоставляет страсть фанатизму и эгоизму, защищает не чувствительность как таковую, а новый культурно-исторический миф, который надолго завоюет литературу. Это миф о новой естественности, соединяющей сознательное и бессознательное в психологии и поведении индивида, о его новой идеальной целостности. В нем сливаются энтузиазм, страсть, любовь – как источники духовной независимости личности, как истинное благо и добродетель, даже если эта страсть роковая, даже если она приносит несчастье. В понимании энтузиазма Сталь сближается с иенскими романтиками, полагая, что «энтузиазм тождественен мировой гармонии; это любовь к прекрасному, душевный подъём, радость самопожертвования, соединённая в одном и том же переживании, в котором есть величие и покой. Когда жизнь человека сливается с жизнью мира, в ней есть что-то божественное» [19; 20, с. 21–39], – пишет она. Освобождаясь от рационалистического подхода, писательница рассматривает страсть, любовь, энтузиазм как некую совокупность, синтез чувств, эмоций, психологических состояний, приносящих свободу, страдание и

счастье, утверждая вслед за Руссо (не только Руссо) эстетическое единство истины, добра и красоты. Романтический миф о любви она воплотит в своих романах «Дельфина» (Delphine, 1802), «Коринна, или Италия» (Corinne ou l'Italie, 1807). Десятилетием позднее, в уникальном по своей значимости компаративистском труде «О Германии» (De l'Allemagne, 1810, 1813), Жермен де Сталь будет отстаивать познавательную силу энтузиазма, утверждая, что истину можно постичь только пламенным умом. Категории энтузиазма и страсти в ее творчестве обладают программным смыслом, как и у оплакивающего с энтузиазмом утрату энтузиазма Шатобриана, глубже выразившего мотивы разочарований, «смутности страстей» в создаваемом им – ином, важнейшем социокультурном – раннебайроническом мифе.

На этом этапе французский романизм рисует индивида в драматических и трагических жизненных коллизиях, в состояниях высшего психологического напряжения, постоянно трансформируя пространство психологии и аффектов героев. Концепция аффектов, разработанная в трудах В. Подороги, позволяет уточнить понимание некоторых особенностей раннеромантического героя. Философ пишет: «Подлинная реальность переживания – как только мы ее достигаем – освобождает нас от тела как материально-биологического субстрата, в это мгновение сильного переживания делает такое тело бесполезным, “опущенным”, и мы оказываемся в другой реальности, реальности внетелесных (внеорганических) состояний, возможно более высокой и бесконечно более значимой для нас, чем та реальность, которую мы называем реальностью “моего тела”. Это тело, тело-аффект не может быть изображено или сконструировано» [13, с. 66].

С редукцией или «исчезновением тела», думается, отчасти связана феноменологическая и психологическая основа относительного «невнимания» романтиков к физиологии субъекта, к окружающему его материальному миру, абсолютное предпочтение, которое романтики отдают нравственно-психологической проблематике, внутренней жизни индивида. Акценты смещаются. Как пишет Жорж Вигарелло, теперь «больше внимания уделяется проявлениям внутреннего мира, его глубине». Уровень самопознания приближается к современному. «Столкновение человека с прекрасным связывается теперь не с божественным откровением, как в XVI веке, не с чувственным опытом, как в XVIII, но с познанием самого себя: открытием своего внутреннего мира, внезапно расширившегося под воздействием красоты. Существовавшее ранее понятие «возвышенного» (sublime), обозначавшее благородную и величественную красоту, в XIX веке переосмысливается в «психологическом ключе» теперь с этим понятием связывают расширение внутреннего пространства, «возвышение» собственного я через зародившееся в глубине души чувство» [21, с. 165–167].

Редуцируя «телесность» мира и человека, снижая эстетический статус этих категорий, романтики сосредоточивают внимание на внутреннем мире индивида, который в условиях послереволюционного слома традиционной культуры ищет опору, новые смыслы бытия.

Чувства, ощущения, впечатления, реальные и вымышленные, все вибрации и нити, соединяющие индивида с социумом и миром, испытываемые им состояния приобретают в романтизме бесценное и ценностное измерение, порой ясное и отчетливое, порой смутное и зыбкое, – проникая глубоко и мучительно в сферу нравственной проблематики, морали, личной и общественной, формируя новые векторы эволюции психологизма, философии и этики. Все эстетические категории – возвышенного, прекрасного, трагического, комического, сопряженные с ними инварианты и представления, участвуя в новых синтезах, становятся составляющими новых субъективно и субъектно организованных миров и антиномий. Чувства, эмоции, аффекты участвуют в художественном мифотворчестве, становятся привилегированной сферой познания и самопознания субъекта – поэта, писателя, художника.

Эти тенденции характеризуют не только французский романтизм [22]. Ж. Робинсон цитирует строки Вордсворта из Предисловия к «Лирическим балладам» (1800): «Поэзия – спонтанное переполнение сильными чувствами, берет свое начало от эмоций, вспоминаемых в спокойствии» [22]. Вордсворт акцентирует особое соотношение спонтанного, эмоционального – и рационального начала, которое сопровождает творческий акт, воспроизве-

дение и осмысление эмоции – «в спокойствии». Романтики по-разному трансформировали традиции предшественников, обладали разным темпераментом и творческий процесс, как и создаваемые ими миры различались. Эмоции, которые формируют атмосферу и поэтику философско-меланхолической, медитативной лирики Ламартина 1820-х гг. сочетают горизонты всеобщего со стремлением передать неуловимые оттенки переживаемых впечатлений и состояний, «Поэтические размышления» («Méditations», 1820), по словам Гюго, выражали «земную страсть, почти всегда очищенную небесной любовью» [23]. Все эти вспомненные и переживаемые эмоции, метафоры принадлежат миру души, которая погружается в глубины бессознательного с тем, чтобы извлечь результаты этого погружения на поверхность сознания и создаваемых поэтических миров и строк. Тот же Гюго, в эпистемологической парадигме которого, как ни у кого из романтиков, сильны рационалистические составляющие, замечает: «Поэт, чтобы лучше приблизиться к разуму, выходит, так сказать, за его пределы» [24]. За «пределы разума», в пространство мифов и мистицизма так или иначе выходит каждый из представителей романтизма первых десятилетий XIX века – и Жермен де Сталь, и Шатобриан, и Ламартин, и Ш. Нодье, и Гюго, и Сент-Бев.

Творческий процесс, как и читательское восприятие, затрагивает разные стороны создаваемых «эмоциональных режимов» не только в поэзии, драматургии, но и в прозе, тем более что границы, разделяющие эти области искусства со времен классицизма обветшали, порой начисто стирались, возникали новые жанры, усиливались процессы жанровых диффузий и взаимодействий.

Шатобриан, «учитель всего пишущего поколения» (выражение А.С. Пушкина), предваряет художественные искания Ламартина, Гюго, Виньи, Мюссе, открывая и вырабатывая в своем многожанровом творчестве новые ресурсы романтического и психологизма. Ранний французский романтизм, романы Шатобриана, Жермен де Сталь, отчасти Сенанкура, «Обреман» (1804) которого завоевал популярность только в 1830-е гг., «Адольф» (1806) Б. Констана, наименее близкий к романтизму, трансформировали опыт предшественников, приемы и представления, связанные с особенностями воплощения психологии современного человека, его эмоций и чувств, – опыт, который накапливала литература XVIII в., в том числе Вольтер и Дидро, Прево и Мариво, Руссо и Бернард де Сен-Пьер, Гете, авторы «Юлии, или новой Элоизы» (1757-1760), «Страданий юного Вертера» (1774), столь высоко ценимые Жермен де Сталь, которой были хорошо знакомы теоретики, как и произведение немецкого романтизма конца XVIII – начала XIX вв. [24]. Пространство эмоций, чувств, чувствительности авторов, аффекты и личностные модели поведения в раннем французском романтизме обретали новую динамику, новые векторы исторической и психологической эволюции.

В этом контексте особенный интерес представляют романы Шатобриана, в первую очередь – «Рене», репрезентативного текста французского романтизма, которому принадлежит исключительная роль в создании эстетического канона одной из важнейших разновидностей романтического героя и французского романтического романа [25].

Список использованной литературы

1. Антропологические традиции. Стили, стереотипы, парадигмы: сборник статей / под ред. А.Л. Елфимова. – М.: Новое литературное обозрение, 2012. – 208 с.
2. Пелипенко А.А. Антропология романтизма / А.А. Пелипенко // Социокультурная антропология: История, теория и методология: Энциклопедический словарь / под ред. Ю.М. Резника. – М.: Академический Проект, Культура; Киров: Константа, 2012. – С. 50–54.
3. Плампер Я. История эмоций / Ян Плампер. – М.: Новое литературное обозрение, 2018. – 568 с.

4. Николаи Ф. История эмоций: три версии / Ф. Николаи // Новое литературное обозрение. – 2019. – № 2. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/156_nlo_2_2019/article/20912/ (Последнее обращение 31.08.2020).
5. Wordsworth W. *The Poetical Works* / W. Wordsworth. – Oxford: Clarendon Press, 1944. – 436 p.
6. Reddy W. *The Navigation of Feeling: A Framework for the History of Emotions* / W. Reddy. – Cambridge: Cambridge University Press, 2001. – 374 p.
7. Гоулман Д. Эмоциональный интеллект / Д. Гоулман. – М.: ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2018. – 104 с.
8. Гуревич П. Десакрализация мозга / П. Гуревич // Философская антропология. – 2015. – Т. 1. – № 1. – С. 6–19.
9. Маркус Г. Я не есть мозг. Философия духа XXI века / Г. Маркус. – М.: URSS, 2020. – 304 с.
10. Cosnier J. *Psychologie des emotions et des sentiments* / J. Cosnier. – Paris: Retz, 2015. – 180 p.
11. Plantin Chr. *Les Bonnes Raisons des émotions. Principes et méthode pour l'étude du discours émotionné* / Chr. Plantin. – Berne: Peter Lang, 2011. – 305 p.
12. Марциновская Т.Д. Категория хронотопа в психологии / Т.Д. Марциновская, Е.Ю. Балашова // Вопросы психологии. – 2017. – № 6. – С. 56–67.
13. Подорога В. Феноменология тела. Введение в философскую антропологию / В. Подорога. – М.: Ad Marginem, 1995. – 341 с.
14. Реале Дж. Западная философия от истоков до наших дней: в 4 т. / Дж. Реале, Д. Антисери. – СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1996. – Т. 3. – 880 с.
15. Шоню П. Цивилизация Просвещения / П. Шоню. – М.: Издательский дом У-Фактория; АСТ, 2008. – 338 с.
16. Забабурова Н.В. Французский философский роман XVIII века: самосознание жанра / Н.В. Забабурова // XVIII век: литература в контексте культуры. – М.: УРАО, 1999. – С. 94–104.
17. Мильчина В.А. Вступительная статья / В.А. Мильчина // Эстетика раннего французского романтизма / под ред В.А. Мильчиной. – М.: Искусство, 1982. – С. 7–32.
18. Балланш П.С. О чувстве, рассмотренном в его соотношении с литературой и изящными искусствами / П.С. Балланш // Эстетика раннего французского романтизма / под ред В.А. Мильчиной. – М.: Искусство, 1982. – С. 33–93.
19. Сталь Жермен де. О влиянии страстей на счастье людей и народов / Литературные манифесты западноевропейских романтиков / Жермен де Сталь / Под ред. А.С. Дмитриева. – М.: МГУ, 1980. – С. 363–373.
20. Карташова И.В. Об энтузиазме и его основах в представлениях европейских романтиков и Н.В. Гоголя / И.В. Карташова // Наука о человеке. – 2015. – № 22. – С. 25–39.
21. Вигарелло Ж. Искусство привлекательности. История телесной красоты от Ренессанса до наших дней / Ж. Вигарелло. – М.: Новое литературное обозрение, 2013. – 432 с.
22. Robinson J. *L'empathie, l'expression, et l'expressivité dans la poésie lyrique* / J. Robinson // *Fabula. La Recherche en Littérature*. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.fabula.org/colloques/document2329.php> (Последнее обращение 31.08.2020).
23. Гюго В. Из Дневника юного якобита 1819 года / В. Гюго // Собрание сочинений: в 15 т. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1956. – Т. 14. – С. 5–25.
24. Реизов Б.Г. Между классицизмом и романтизмом / Б.Г. Реизов. – Л.: ЛГУ, 1962. – 257 с.
25. Bercegol F. *Chateaubriand: une poétique de la tentation* Поэтика искушения / F. Bercegol. – Paris: Éditions Classiques Garnier, 2009. – 703 p.